

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации *Голубевой Ольги Васильевны* «Теория эвиденциальности выводного знания: психолингвистический подход», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

Тверь, 2016 г.

Диссертация посвящена изучению проблемы понимания вербальных единиц на базе исследования выводного знания как внутреннего источника смыслообразования естественной речемыслительной деятельности (с. 5). При этом выводное знание – это знание-переживание, репрезентированное сетью причинно-смысловых связей. Последнее можно считать формой бытия выводного знания. И здесь сразу возникает вопрос, который при чтении диссертации актуализируется не однажды, например, в выводе 3, где утверждается, что «целостность... опоры обеспечена причинностью связей между компонентами (чего?) как продуктами опыта... субъекта» (с.192). Другие типы логических связей между опорами возможны? Или автор намеренно ограничивается причинными? Или просто называет все возможные связи причинными? Судя по тексту работы, для автора актуально последнее. Но насколько возможно такое предельное обобщение? Поскольку выводное знание – базовая исследовательская категория, попытки определения ее предпринимаются не однажды (например, на сс. 5, 6, 7, 8, 9, 10), но всякий раз дефиниция осуществляется или через форму бытования изучаемого объекта, или как некий имплицитный когнитивный процесс, «выявляемый в рамках ментального моделирования» (с.6), или просто как источник релевантной информации, а его сущностные признаки остаются не вполне определенными и выявляются контекстуально. Это в известной степени затрудняет понимание авторской концепции. **Актуальность** проблемы, поставленной в работе, не вызывает сомнений: это еще одна попытка установления сущности процесса понимания, осуществляемая в психолингвистической парадигме. Однако аргументировать актуальность «неослабевающим интересом» к проблеме, наверное, не вполне корректно. На мой взгляд, безусловная актуальность данной работы обусловлена следующим: впервые в отечественной лингвистике экспериментально доказывается, что ментальный «контекст прежнего переживания» – это равнозначный и «реальный» компонент **актуальной** речевой деятельности индивида. Методологически гносеологи и психолингвисты вполне согласны с утверждением У. Матураны и Ф. Варелы: «то, что мы принимаем как некое простое восприятие чего-то, в действительности несет на себе неизгладимую печать нашей собственной структуры»; «всякое познание есть действие со стороны познающего, т.е. всякое познание зависит от структуры познающего» (У. Матурана, Ф. Варела.

Древо познания. – М.,2001, с.20; с.30). Но в моделях второго порядка, позволяющих анализировать процесс понимания, эта идея не реализована. Чаще актуализируется другое: «никакая живая система как отдельность не может поддержать своей внутренней динамической равновесности и не способна развиваться, если она выключена из взаимодействия, образующего более широкую систему, которая включает в себя также элементы, внешние по отношению к данной живой системе, отделенные от нее» (А.Н. Леонтьев. Избранные психологические исследования, 1971, с.1). Из подхода же, представленного в диссертации О.В. Голубевой, вытекают **принципиально новые возможности моделирования процесса понимания и установления его специфических свойств. Предмет исследования** – эвиденциальное смысловое переживание значения единицы языка – «субъективно создаваемая в процессе речемыслительной деятельности интегративная смысловая опора» (с.7). В результате ЭСП создается смысловой инвариант, определяющий направление выводного знания, структуриацию его процедур в конкретном акте понимания. **Гипотеза.** Если отвлечься от специфического авторского стиля ее представления, то она заключается в следующем: **эвиденциальное смысловое переживание значения единицы языка базируется на системе когнитивных ментальных опор, связанных с той или иной вербальной единицей, и определяется актуализацией ассоциативных связей между опорами не столько вследствие условий конкретной речевой деятельности, сколько вследствие содержания смыслового инварианта опор.** Он оказывается стабильным ментальным источником смыслов (не информации, как пишет автор). Такая гипотеза вполне согласуется с базовым положением теории самоорганизации и методологии психолингвистики, согласно которому структура окружающей среды только «запускает» структурные изменения в мыслительной деятельности человека, но не определяет их и не управляет ими. И очень жаль, что диссертант не актуализирует это положение при формулировании методологических оснований работы, хотя по сути постоянно опирается на него. (Психологически такой инвариант представляется в понятии личностного смысла как актуального для индивида содержания данной конкретной деятельности). При этом внутренние опоры выводного знания актуализируют релевантные для данной деятельности признаки предмета деятельности, а эти признаки представлены вербально. (Правда, у автора получается, что «процесс опоры на ВЗ представляет собой эвиденциальное смысловое переживание значения единицы языка» (с.8), но отождествление этих понятий снимает проблему). **Цель** сформулирована на с. 9 диссертации, а кратко ее можно представить как попытку моделирования процесса эвиденциальности смыслового переживания значения. Автор выдвигает также ряд задач, из которых, на мой взгляд, наиболее существенны 2,6,7,8: проанализировать

фундаментальные принципы процесса понимания с опорой на выводное знание; исследовать механизм возникновения инвариантной эвиденциальной смысловой опоры; показать, как эвиденциальное смысловое переживание реализуется в процедуре выводного знания; показать принципы их коррелирования. При этом снова вынужденно обращаю внимание на характер формулирования задач автором диссертации, особенно задачи 7. **Положения, выносимые на защиту.** Формальная специфика текста диссертации такова, что сначала читатель знакомится с положениями, выносимыми на защиту, а потом наблюдает сам исследовательский процесс. Отмечу пока, что не все теоретически важные положения, аргументированные в работе, представлены в этом формальном разделе, и я акцентирую их позже. Кроме того, многие защищаемые положения сформулированы так, что вызывают вопросы. Наиболее значимые выводы, определяющие суть работы, на мой взгляд, таковы. В положении 1 автор утверждает, что установить причинно-смысловые связи опор выводного знания можно, опираясь на значения языковых единиц, актуализированные в речевой деятельности. Такая связь маркируется, утверждает исследователь, ассоциатами, возникающими на вербальные стимулы, репрезентирующие компоненты ВЗ. Жаль только, что автор нечетко разграничивает процедуру естественного смыслообразования и процедуру его исследования. Из положения 3 следует, что причинно-смысловая связь компонентов опыта (опор выводного знания) индивида детерминирует объединение компонентов эвиденциального переживания, образование смыслового инварианта, создающего, по словам автора, «прецедентный ракурс смыслового 'видения'» (с.11). Такой смысловой инвариант позволяет, с одной стороны, сохранять устойчивую направленность речевой деятельности, с другой – переструктурировать смысловые опоры с учетом мотива данной деятельности. Представленный смысловой инвариант системно коррелирует со словом. Это положение представляется мне базовым для работы, и так или иначе оно аргументируется на всех этапах проведенного автором эксперимента. **Научная новизна.** Представляется, что положения 1-3, сформулированные диссертантом, не обладают ярко выраженной научной новизной – они, скорее, детализируют базовые положения психолингвистического аспекта исследования понимания. Научная новизна данной работы состоит прежде всего 1) в создании аргументативной экспериментальной базы теории, 2) в построении модели эвиденциального смыслового переживания, 3) в установлении процедур активизации выводного знания. Что касается отмеченного О.В. Голубевой применения метода реконструкции к процессу понимания с опорой на выводное знание, то, полагаю, точнее было бы говорить все-таки о моделировании. Сказанное позволяет считать теоретическую и практическую значимость диссертации несомненной. В соответствии с поставленной целью в **1 главе** произведен

обзор научных исследований, посвященных изучению выводного знания. Автор диссертации формулирует ряд постулатов, которые образуют базу дальнейшего экспериментального исследования. К ним мы относим

- положение о принципиальной динамичности процесса выводного знания; акцентирование принципа причинности как фундаментальной основы объяснения (!) взаимосвязи реалий (автор, видимо, пропускает слово *объяснения* в этом положении, в противном случае его позиция не может быть положительно интерпретирована);
- возможность определить имплицитные источники смыслоформирования; возможность моделирования опыта оперирования словом;
- живое слово как коррелят смысла;
- имплицитная смысловая установка характеризуется устойчивостью средств вербализации.

Не встраивается в систему предлагаемых постулатов вывод 3, который потом нигде в работе не актуализируется. Не находит логического обоснования и заявление об исследовании выводного знания в рамках междисциплинарного подхода, тем более что, во-первых, в названии работы подход актуализирован и, во-вторых, междисциплинарный объект должен обладать специфическими параметрами. В **главе 2** ставится серьезная задача – теоретически обосновать особенности интеграции языковых, познавательных, психических процессов при идентификации значения слова как основу аргументируемой в диссертации гипотезы, что представлено в ряде выводов (в тексте сбой в пагинации выводов). Стилистическая их реализация подчас затемняет содержание (как и в ряде других случаев:(см., например, сс. 218, 219, 220). С некоторыми из выводов трудно согласиться, например, с утверждением, что развитие концептуального содержания слова реализуется в строго *ограниченных* моделях (3). По выводу 5 возникает серьезный вопрос. Сначала процитирую автора: «Свое конкретное воплощение концепция эвиденциального смыслового переживания значения получает на основании метода реконструкции процесса понимания с опорой на ВЗ» (с.192) [сохранен стиль автора. – В.П.]. В языковедении принято говорить о 1) о представлении теории в моделях, 2) о возможном воплощении теории в анализе конкретного материала, 3) о том, что теория «сворачивается» в метод. Реконструкция процесса понимания – вовсе не верификационное средство, которое может доказать значимость выводного знания в понимании, поскольку эта реконструкция может строиться как раз на основе разных теоретических положений. Получается, что теория проверяется автором на основе реконструкции, а реконструкция лежит в основе теории. Вывод 1 хотя и представляет собой общеизвестное положение психолингвистики, но подчеркивает методологическую позицию автора. Наиболее значима в работе,

на мой взгляд, **глава 3**. Цель главы – экспериментальное обоснование модели процесса понимания с опорой на выводное знание. Здесь ставятся определенные задачи, соответствующие разным экспериментальным методикам и этапам их осуществления (с.193 – 194). Не вполне корректной представляется задача 5, в которой автор планирует моделировать процесс понимания в условиях неоднозначного стилистического контекста и «активируемого внутреннего ресурса». Или следует уточнить, что репрезентирует последнее словосочетание, или признать, что «активируемый внутренний ресурс» не может быть верифицируемым экспериментальным параметром. (Впрочем, вполне допускаю, что формулировка задачи вообще предполагает иное содержание и виной непонимания авторской позиции опять является стилистическое несовершенство ее репрезентации). В главе не хватает подробного представления экспериментального материала и четкого описания переменных параметров эксперимента. В частности, на 2 этапе эксперимента автор предполагает выявить «степень влияния внешнего контекста на активируемый внутренний потенциал» (с.195), однако у последнего предлагаемого параметра не установлены стабильные характеристики, которые могли бы быть экспериментально верифицированы. Я внимательнейшим образом изучила экспериментальную главу диссертации. Чтение ее вызвало очень много уточняющих вопросов, каждый из которых анализировать в отзыве не представляется возможным. Однако мне, надеюсь, удалось составить цельную картину предложенной автором оригинальной концепции эвиденциальности переживаемого смысла. Сущность концепции представляется таковой. Признаки познанных реалий каким-либо образом зафиксированы в опыте индивида и интегрируются вербальной единицей в определенное ассоциативно-смысловое поле (что вполне соответствует и нейрофизиологическим данным). Если эти признаки сколько-нибудь релевантны в данной деятельности индивида, они актуализируются в системе причинно-смысловых связей, и эта актуализация специфически маркируется. Маркеры эксплицируют опоры на процедуры выводного знания и репрезентируются вербально. Следовательно, необходима методика обнаружения таких маркеров, что и **позволит моделировать процесс понимания с опорой на выводное знание**. Для обоснования этой методики и предлагается экспериментальная проверка ряда рабочих гипотез. В соответствии с первой гипотезой, понимание слова обеспечивается интеграцией ментальных данных об опыте оперирования с ним. Интеграция же специфически отражается в ассоциативно-смысловом поле, или поле маркеров, выделив которое можно смоделировать конструкт-интерпретатор, потому что это поле создает общее представление о переживаемом индивидом значении. По сути поле маркеров коррелирует со структурой лексического значения слова, выделяемой в семантическом анализе. Автор отмечает и

важность эмоционально-оценочного смысла при образовании поля маркеров. Но тут необходимо уточнение. Поле маркеров как внутренняя ментальная структура может детерминироваться системой иерархических **мотивов** деятельности, а вот, в полном согласии с известным положением В.К. Вилюнаса, внешне эти мотивы проявляются как эмоционально-оценочные компоненты значения слова. (Досадно часто автор смешивает характеристики феноменов и параметры процедур с ними). О.В. Голубева доказывает, что **мотив деятельности обнаруживается в специфике эвиденциальной фокусировки, а она объективируется в ассоциативно-смысловых полях и может быть смоделирована на основе его маркеров.** Таким образом, диссертант по сути находит **способ «обнаружить» экспликацию мотива деятельности** и, следовательно, становится возможным построение моделей 2 порядка, в которых современная психолингвистика остро нуждается. При этом автор демонстрирует разные способы переживания стимулов, закрепленные в системе ассоциатов, рассматривая соотношение стимул – ассоциат как речевое действие (что не часто встречается в психолингвистических исследованиях при общем согласии с постулатом А.А. Леонтьева). О.В. Голубева представляет характеристику маркеров, пусть и первичную, однако аргументированно доказывает определяющую их роль в структурировании смыслового поля, определяет иерархическое место в актуализации причинно-смысловых связей. В соответствии с гипотезой 2 анализируются множественные и неравнозначные реакции испытуемых. Смысловая близость стимулов и ассоциатов оказывается зависимой, во-первых, от сходства опыта испытуемых, во-вторых, существенных в данной деятельности параметров объектов, названных словом-стимулом, при этом, в-третьих, испытуемые опираются в познавательной деятельности на релевантные маркеры причинно-смысловых связей опор выводного знания. В ассоциате активируется деятельностно (не контекстно, как пишет автор!) обусловленное содержание стимула. Первое и второе доказано предыдущими психолингвистическими исследованиями, но заслуга О.В. Голубевой состоит в том, что она показывает: без субъективного процесса образования инварианта опор понимание не осуществляется, а это **значительный теоретический результат.** Но «реконструкция процесса понимания», представленная автором на с. 215, не отражает этого важного и для теории, и для практики результата. Конечно, речь должна идти не о реконструкции, но о моделировании, этапы которого надо было продумать основательнее. А, судя по данным экспериментов, в модели могут быть выделены следующие ключевые моменты: вербальный стимул как актуализатор ассоциативно-семантических связей опор выводного знания → возникновение иерархии мотивов понимания → установление ведущего мотива → интеграции содержания опор на основе маркеров → сопоставление маркеров →

переструктурирование системы маркеров и интеграция их содержаний → актуальный личностный смысл как инвариант → ассоциат как его репрезентант / как доминирующий здесь и сейчас маркер причинно-смысловых связей. Важно подчеркнуть: экспериментальные данные О.В. Голубевой объективно показывают, что активация ЭСП – это психический процесс актуализации инвариантного признака смысловых опор, ассоциативно связанных со стимулом. В результате интеграции смысловых опор и возникает выводное знание, что объясняется проявлением фундаментальной функции нашего мышления – интегративной. Сказанное позволяет отметить, что работа О.В. Голубевой создает **серьезную экспериментальную базу** для формулирования фундаментальных психолингвистических принципов процесса понимания. База эта может стать материалом исследования и в других диссертационных исследованиях, например, с целью детализации характера отношений между компонентами ассоциативно-смысловых полей. (Возможно, в связи с важностью экспериментального исследования, полезно было бы дать приложение к работе с исходными экспериментальными данными). Интерпретация данных требует специфического концептуального аппарата, в который, наряду с общеизвестными психолингвистическими терминами типа «смысловые опоры», «выводное знание», «знание-переживание» и др., диссертант включает заковыченные понятия, весьма приблизительно определяемые в работе или не определяемые совсем: «**видит**» релевантные признаки объекта (актуализирует их в деятельности, собственно создает предмет деятельности?); «**свидетельства**» оперирования знаниями, заимствованные из англоязычных источников, но четко не определенные в работе; «**активная позиция**» вместо контекстно предполагаемого «мотив»; «**облако релевантных смыслов**» (вместо «ассоциативно-семантический потенциал слова»?); «облачный сервис»; «следы примеров взаимодействия»; «додумывание»; «ментально-образная опора» и др. Метафоричность термина допускается вполне – наука активно развивается, исследуя метафорически сформулированные проблемы – но содержание научного метафорического понятия все же должно быть так или иначе определено. К сожалению, приходится высказать претензии к стилю и технической стороне работы. Некоторая стилистическая небрежность, присущая автору, зачастую приводит к вопросам. Так, на с. 134 автор пишет о мультимодальности функциональной опоры. Однако с точки зрения психологической и психолингвистической мультимодальность может быть присуща *процессу* восприятия, а ментальные образования амодальны. Так что опоры амодальны, и именно потому они порождают смысловой инвариант, хотя возникают в процессе интеграции мультимодальных компонентов восприятия (в нашем случае понимания). Аналогично «мультимодальный гипертекст продуктов переработки опыта»

звучит метафорически привлекательно, но по сути это неверно. Вместо термина «эксплицитный» иногда употребляется «имплицитный», *имплицуруемый* вместо *имплицированный*, что приводит к полному искажению смысл предложения (см., например, с. 201, 221). Иногда нет необходимых ссылок: например, автор пишет: «результаты прежних экспериментов показали, что», не указывая при этом, какие эксперименты и кто осуществлял. Встречаются опечатки в фамилиях, искажение инициалов известных ученых, которые, к сожалению, остались и в тексте автореферата, стилистические ошибки (с.5, 6, 7, 8, 9 и т.д.). Однако все замечания не меняют убежденности оппонента в том, что диссертация О.В. Голубевой – завершённое доказательное исследование фундаментальной проблемы, в котором содержится самостоятельное ее решение, актуальное для теории языка, – построена концепция понимания речевого произведения на основе выводного знания. Работа обладает несомненными признаками научной новизны, результаты ее имеют широкое теоретическое и практическое применение. Многочисленные вопросы имеют, как правило, уточняющий характер и не нарушают общего благоприятного впечатления о работе, а, скорее, свидетельствуют о сложности изучаемых в работе процессов и неоднозначности их интерпретации. Автореферат и публикации автора диссертации полно отражают ее содержание. Диссертация Ольги Васильевны Голубевой «Теория эвиденциальности выводного знания: психолингвистический подход», соответствует требованиям пункта 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» ВАК РФ, а ее автор, Ольга Васильевна Голубева, **заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.**

Доктор филологических наук,

профессор В.А. Пищальникова

14 ноября 2016 г.

Профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный лингвистический университет» (ФГБОУ ВО МГЛУ)

115201 г. Москва Старокаширское шоссе, д.4 корпус 11 кв.80;
pishchalnikova@mail.ru; +79165043826

Версия Пищальниковой Веры Анатольевны

установлено

*Версия документа
отдел документ. учета
ФГБОУ ВО МГЛУ
Демидова М.А.*